Блок Александр Александрович.

1-7.12.05.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Культура. – 2005. – 1-7 дек. – с. 5

"Чтобы по бледным заревам искусства Узнали жизни гибельный пожар!"

Литературоведение лазерно просверлило Блока насквозь, рассмотрело и обговорило каждую строчку и точку. Добавить нечего. Тот факт, что Блок и сам окончил филфак, не принципиально важен: Блок не был филологом. Потому что был рожден поэтом. Изданные им Лермонтов и Аполлон Григорьев со статьями о них – дело рук поэта. Но он в юности и юриспруденцию (университетский юрфак) достаточно быстро бросил: наследовать отцу-правоведу не удалось. Не было у Блока именно этих извилин. Под его кудрями было нечто иное.

Кроме того – Блока не стоит и нельзя дробить на этапы, книги, циклы и проч. Его путь един. Слово, порой случайно оброненное им в юности, потом отзывается крупной вещью. Некоторые – немногие – стихи поэт мог бы написать в любое время своей жизни, на заре, в зените, на закате, однако он как раз на закате стихотворчества все упорнее смотрел на свое начало, на эпоху СПД-I (обозначим так первое издание его первой книги "Стихи о Прекрасной Даме").

Максимилиан Волошин в статье "Голоса поэтов" сказал: "Смысл лирики – это голос поэта, а не то, что он говорит. Как верно для лирики имя юношеской книги Верлэна (написание того времени. – **И.Ф.**) – "Романсы без слов".

СПД-I – уже голос. "Матовый голос", по определению Волошина. Лирик родился. В этом значение этой книги.

У Блока многое стоит *за* стихами, он из тех поэтов, которые производят жесткую самоселекцию, отнюдь не все впускают в стихи, а стихи фильтруют перед составлением книги, и уже первая его книга была по существу *избранным*. С годами, обретя уверенность в себе, он стал печатать все, написанное им в стихах, или почти все. У него не много недописанного: "Возмездие", некоторые наброски. Но и тогда, когда он печатал почти все, он испытывал потребность хотя бы в коротком предисловии растолковать стихи, и это подтолкнуло его в 1918 году повторить опыт Данте в "Vita nuova" ("Новая жизнь"): прозой, включая интимные письма, объяснить и связать стихи эпохи СПД-I. У него не получилось. Потому что *эта работа была уже сделана*: переписка, дневники, записные книжки, статьи и т. д. – все застиховое наследие Блока.

С отсрочкой на будущее.

Блок в детстве был капризным молчуном – для того чтобы с ним както управиться, взрослыми был найден некий виртуальный Вавилка, страшилка, его двойник. Если Саша не слушается, "гадкий Вавилка" должен был найти, например, за дверью хорошего Сашу и сообщить ему о том, что его "мама зовет". Так и происходило. Блок навсегда оставил этого Вавилку за собой. Он обличал Вавилку, зная, что Саша – вообще-то хороший. Хоть и на одну сотую – Блок сам просчитал количество хорошего в себе.

Лирика под материнским приглядом. Неужели такое бывает? Кажется, во всей мировой поэзии это единственный случай. Он и первые стихи показывал матери и тетке. Эту власть Александра Андреевна хотела сохранить за собой до конца. Может быть, в Прекрасной Даме она видела себя, а не кого-либо еще, и не исключено, что отчасти так оно и было. Женственность – Вечная. Все остальные – статистки. Россия Блока в этом смысле – вариант матери, ибо "жена моя" тут – та же самая Жена, Женщина, Женственная тень, София.

Он так не думал.

В 1906 году он написал статью "Безвременье", достаточно импрессионистическую. Среди прочего там говорится о рассказе Леонида Андреева "Ангелочек": о мальчике Сашке, которого "просто затащили на елку, насильно ввели в праздничный рай… Там было положительно нехорошо". Блок пересказывает андреевские подробности, но вот резюме, до ужаса точно прогнозирующее собственную судьбу: "Будет злая тишина, остановившиеся глаза, смерть, сумасшествие, отчаяние". Но и этого мало, Блок продолжает: "Сашка снял с райской елки одного только ангелочка, чтобы не страшен и сладок был путь, сужденный всем таким Сашкам, и ушел из рая в холодную ночь, в глухой переулок, за перегородку к пьяному отцу". Всем таким Сашкам, в том числе Александру Блоку.

В "Безвременье" все важно, особенно – ошибка Блока. Лермонтовские строки "Я знал, что голова, любимая тобою, / С твоей груди на плаху перейдет" Блок передает так: "Я знал, что голова, любимая тобою, / С моей груди на плаху не падет", – все наоборот. В Лермонтове он выделяет двойника (гусар, крутящий ус) и "вещую скуку". В ошибке Блока – перевес скуки: скучно так, что даже гибели не будет. Полное торжество пошлости, паучихи скуки. Паутина сладострастия лишена романтического эротизма ("с твоей груди"). Гибнуть не за что. И все-таки: смерть, сумасшествие, отчаяние. О том же и стихи. Он слышит обращение к себе: "Безумный! Прости!" Мысли о безумии у раннего Блока – сугубо мистико-литературные, без медицинского оттенка, относящиеся к образу поэта-пророка: "Буду я взывать к тебе: Осанна! / Сумасшедший, распростертый ниц"; "Я безумец! Мне в сердце вонзили / Красноватый уголь пророка!" Пророк неотделим от одиночества: "Я здесь один хранил и теплил свечи"; / Один, – пророк, – дрожал в дыму кадил".

Есть риск спекулятивного любопытства во вторжении в застиховую сферу поэта. Подглядывать в замочную скважину не собираюсь. Никаких досужих гипотез. Блок вел переговоры с совестью ("А я всю ночь веду переговоры / С неукротимой совестью своей", – Ахматова) и, время от времени печатая заведомо слабые стихи ранней поры, он стремился восстановить истину: правду своей судьбы и своего времени. Это опасно ("Пройди опасные года") с профессиональной точки зрения, похоже на потерю критерия, на вседозволенность модного поэта. Опасно и по-человечески: сколько посторонних жадных глаз смотрит туда, куда не надо бы смотреть. Но, уничтожив многое из самого сокровенного – дневниковое, эпистолярное, Блок оставил будущему беспощадную возможность близкой дистанции. Это его решение, с которым нельзя не считаться. Надо было много пережить, чтобы записать и оставить потомству эти слова: "Пока злоба не созрела, она всегда готова превратиться в кликушескую истерику (А.Белый)", – 1908, 11 декабря, записная книжка.

А.Блок. Рисунок Ю.Анненкова. 1921 г.

Блок был человеком превосходства. Он таким родился, ничего не попишешь. Достаточно посмотреть на алфавитный указатель его стихотворений: с местоимения "Я" начинается чуть не большинство его вещей…

Это настойчивое ББББ (Брюсов, Бальмонт, Блок, Белый). У Межирова – в разборке с собой – сказано: "Ты когда-то был похож на Блока, / А теперь на Бальмонта похож". Он рифмует *плохо – Блока*.

Как вспоминает М.Гофман, когда-то Блок участвовал совместно с Городецким и Пястом в игре на переиначивание названий книг и имен поэтов, в том числе это касалось его самого. "Стихи о Прекрасной Даме" А.Блока получили такую озвучку: "Хи-хи, напрасно вы сами" А.Плоха.

Блок, Белый. Их пожизненная связь, их перекличка, их переписка. Я должен загодя извиниться: мои рассуждения схематичны, все было глубже и богаче. Два озаренных юноши с открытыми очами увидели друг друга. *Соревнование* началось с обоюдной восхищенности. Первым о гениальности адресата сказал Блок. Первая нервная вспышка – со стороны Белого, когда Блок не изъявил восхищения его новыми стихами. Блок был человеком превосходства. Он таким родился, ничего не попишешь. Достаточно посмотреть на алфавитный указатель его стихотворений: с местоимения "Я" начинается чуть не большинство его вещей, намного больше, чем с "Ты", которых тоже немало. Но и Белый – первый в самоощущении, и в каком-то смысле объективно. Впрочем, таково было общее время: "Я" от Бальмонта и Брюсова до Маяковского и Есенина не уменьшалось в размерах, наоборот – разрасталось без края. Ясно видна ницшеанская подоплека.

Оба они, молодые, были редкостные красавцы. Белый очень расстроился, впервые увидев Блока живьем: крепок, румян, статен, высок. Он ждал нечто декадентское: маленькое, грустноглазое, гибельное. Сложилось так, что Белый исходил восторгом от стихов Блока, а тот лишь похваливал стихи Белого, иногда восхищался, но в меру. Блок всецело принимал "Симфонии" и статьи Белого, площадку лирики подспудно оставляя за собой. Здесь не было вызова и преднамеренности. Это складывалось само и оставалось за скобками диалога. Белый принял эту игру, стихи свои и сам поругивал по инерции самоумаления, одновременно упирая на то поле, что отвел ему Блок, – это было демонстрацией философской подкованности, новизны (= белизны) мистических воспарений с параллельным забалтыванием намеченных противоречий в форме эпистолярно-симфонической стихопрозы.

Мировоззренческие нестыковки обнаружились довольно скоро, но обоюдно микшировались – до поры. За эпистолярным полем распахнулись пространство очного знакомства и пропасть расхождений. Не Люба (Л.Д.Менделеева) стала камнем преткновения – блоковское неприятие лирического равенства. Исступленное осознание Белым этого факта. Вырвать у Блока Любу – отнять поэтическое превосходство, обвеститись опорой, выбить из-под ног соперника почву, на которой возникло земное воплощение Ее. Тщетно.

В СПД-I – три цитаты из Брюсова, включая ту, что наравне с соловьевскими строчками открывает книгу. Брюсов проходит сквозь всю книгу. Сама тема города во второй и третьей частях книги имеет своим импульсом брюсовский Urbis. Брюсов – первый издатель-редактор Белого и Блока, автор названий их первых книг. Петербуржец Блок первой книгой вышел в Москве – потому, что в Москве жил Брюсов. Другое дело, что обожание Брюсова Блоком и Белым вскоре померкло и вчерашний маг в их глазах стал математиком. "…томится и скрежещет / Суровый маг моей земли" (Блок) – стоит обратить внимание на второй глагол. Это живой клубок литературной борьбы, человеческих взаимосвязей, дружб и отталкиваний, непозабытых обид и горьких разочарований.

В 12-м году Брюсов пишет рецензию "Александр Блок" – к выходу второго издания СПД и книги "Ночные часы". Тон его объективен. Около 200 новых (старых, впервые напечатанных) стихотворений в СПД Брюсов нахваливает за то, что они … слабые. То есть включение их в сборник "может быть, и ошибка", но "зато книга приобрела новый *психологический интерес* (выделено мной. – **И.Ф.**), стала откровенной исповедью юного мечтателя-мистика, знакомит теперь с душой ее автора более полно". За эту рецензию и эту позицию Блок жарко отблагодарил Брюсова: "Хочу высказать Вам свою признательность… *etc*". Признательность Блока согрета постоянной поддержкой Брюсова после СПД-I, в отличие от нападок Белого и С. Соловьева, уличавших его в отступничестве.

Блок настаивал на отсутствии единства женского ряда у себя. Говорил о "самостоятельном бытии" Прекрасной Дамы. Трансформации, превращений" не было. Прекрасная Дама – не Незнакомка, не Снежная Маска, не Фаина, не Россия и т.д. Ну тогда нет единства и в таком ряду: рыцарь – Гамлет – князь – скиф. Но это же не так. Петруха "Двенадцати" – и тот, по сути, его Вавилка. Блок – театр, он недаром был покорен Маяковским в роли *Человека просто* ("Мистерия-буфф"). Отказ Станиславского в постановке "Розы и Креста" – одна из кошмарнейших страниц его судьбы.

Его мутило от мейерхольдии (его словцо), но именно Мейерхольд постоянно предлагал ему свои услуги и один из немногих остался верен ему в истории "Двенадцати". Ахматова, Пяст и Сологуб отказались выступать с Блоком после "Двенадцати". Зрелая великолепная Анна Андреевна предпочитала не вспоминать об этом. Память – штука избирательная, Бог простит.

Нет смысла в тысячный раз повторять чужие наблюдения над "романом" Блока и Ахматовой или пытаться трактовать ее действительно странноватую, если не двусмысленную, формулировку "трагический тенор эпохи" ("Анна Андреевна! Мы не тенора", – сказал он ей как-то), но следует посмотреть на вторую часть "Эпилога" к ахматовскому "Реквиему": эти стихи ритмически и по духу выросли из "Ангела-Хранителя" Блока, где мы видим все тот же ряд женских сущностей: невеста, жена, сестра, дочь, и они слиты. Ахматова говорит от их целокупного имени. Это недалеко от самоощущения хранительницы не только этого поэта, но целого народа. Непрямая декларация о наследовании Блоку, его миссии. А скорей всего – соревнование с ним.

Блок, Белый, Цветаева, Пастернак – последние (и, кажется, первые) профессорские дети в литературе. Может быть, сейчас народились новые, не знаю. (Впрочем, знаю: он один – Борис Рыжий.) Тогдашние профессора – цвет нации, равный аристократам XVIII – начала XIX века. По крайней мере, Блок первых стихов сразу попал в руки людей, решавших литературные судьбы, – подобно раннему Пушкину. Соловьевы и Мережковские предрешили прямой выход к читателю и поэтической судьбе.

Он пишет к Зинаиде Гиппиус, цитирует ее стихи в письмах друзьям, она содействует его первой публикации в "Новом пути": Блок приходит к читателю из рук З.Гиппиус. Его анализ в том же "Безвременье" ее "Ограды", книги стихов, – наложение Прекрасной Дамы на эту поэтессу в череде женских образов, ею выведенных ("Мы уже знаем, что одна из них, проходя, задела нас длинным, прозрачным покрывалом"), на всю атмосферу ее поэзии. Он переводит ее в свой ряд, делится тем, что добыл собственноручно. Ясно, что это – призыв к поэзии, к художеству вопреки пустопорожним религиозно-философским прениям, ведомым Мережковскими. Гиппиус написала о СПД-I словами, мягко говоря, неточными: "нежная книжка молодых стихов", для нее это "прекрасная мистика рыцаря", которая "безрелигиозна, безбожественна", автор книги стоит над "предрелигиозной пропастью", и его крылья – "крылья бабочки". Рецензент поучает автора по праву возраста и литературного авторитета. Так начинался этот конфликт.

Непроницаемая маска, благовоспитанность, аккуратизм, сама фамилия – все это бесило людей даже с не шибко славянскими фамилиями типа Бальмонт.

А.Блок на балконе киевской гостиницы "Эрмитаж". 1907 г.

Блок называл себя – интеллигент. Адресатом стихов он видел свой слой, не посягая на всенародную аудиторию: даже "Двенадцать" – разговор с равными, в общем и целом поверх голов Катьки да Петьки.

Между тем в чем-то она весьма проницательна, ведь это Блок написал в письме к другу – Е.Иванову, 1905: "Никогда не приму Христа".

Гиппиус, несомненно, жила в Блоке, в его судьбе – вплоть до последнего к ней обращения: "Женщина, безумная гордячка!" Интересно, что Блок приписывает тут трезвеннице Гиппиус довольно специфическую болезнь – белую горячку, весенницу, метафорическую, и тем не менее. Так или иначе, эта фигура – одна из центральных в блоковском постижении женской сущности. Это был сугубо интеллектуальный диалог, в том духе, который изначально был сформирован общением с матерью ("моя совесть", "постоянный мятеж"). Однако фактор семьи в расширительном смысле – общелитературного сословия – здесь тоже присутствует. В последнем блоковском обращении к Гиппиус легкий элемент эротики – "зеленоглазая наяда" – больше похож на джентльменский комплимент с намеком на необходимость возвращения оппонента к своей женской сущности. То есть – к поэзии. В любом случае русская поэзия обязана Зинаиде Гиппиус многим и уж хотя бы тем, что именно она побудила Блока к созданию одного из самых вершинных шедевров – "Рожденные в года глухие…"

Блок любил Михаила Кузмина, написал однажды ему аффектированную записку из кабака или борделя ("одного места"), сердечно ("с ясной душой") приветствовал его в связи с юбилейной датой, никакого оттенка голубизны в этой любви, разумеется, не было. Блок цитирует поистине изумительные строки Кузмина: "Венок над головой, раскрыты губы, / Два ангела напрасных за спиной". (Намного позже потом у Светлова возникло: "Два ангела на двух велосипедах, / Любовь моя и молодость моя" – вот уж, правда, нам не дано предугадать…).

Мальчик, которого долго одевали девочкой, в первоначальном общении с таким же мальчиком – Борей Бугаевым – говорил на языке девичьей переписки: "милый", "любимый" и проч. Может быть, так говорили бы бестужевки, воспитанницы деда Бекетова, кабы их интеллект досягал достаточных высот. Или – это был язык цветов, которому его обучал тот же дед, ботаник. Тем больнее было падение в язык улицы, в язык эпохи, в паутину скуки, в жерло мятежей.

Отец Блока вздорил с женой на, так сказать, почве музыки: она недостаточно почитала Шопена, на его взгляд. В первом же письме Белому Блок сетует на абсолютное отсутствие у него музыкального слуха. Много позже, задыхаясь от ненависти к барышне за стеной, беспрерывно-оглушительно музицирующей на фортепианах и что-то там поющей, Блок постоянно думает и пишет о музыке. Музыка – "сущность мира", а не тупое буханье-треньканье. Той барышне время от времени подпевал мужчина – и он был, по закону абсурда, родственником Блока. С ума сойти…

Блок знал, что он – Блок. И его отец это знал, ценя в творчестве сына – как странно! – больше всего стихи о России.

1903. Записная книжка. "Из семьи Блоков я выродился. Нежен. Романтик. Но такой же кривляка" (16 июня). "Думал, что есть романтизм, его нет" (15 августа). Выходит, не слишком нежен и, оказывается, не романтик. Тем не менее как раз в то время, чуть раньше (декабрь 1901 – январь 1902) – в наброске статьи о русской поэзии – он дает характеристику Тютчеву: "неисправимый романтик". Его кумиры – Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев. С предпочтением – на ту минуту – Фета. "Все торжество гения, не вмещенное Тютчевым, вместил Фет…". Он вдохновенно цитирует: "Но самый прах с любовью, с наслажденьем / Я обойму". Может быть, Блок видит при этом ночное сидение Достоевского над гробом жены. Его не смущает это "с наслажденьем". Он как бы не замечает физической стороны этого метафорического объятия. Прямо говоря – оттенка некрофилии. Но, думается, и сам Фет этого не сознавал. Ибо это и не метафора, это метафизика, мистика. В ее сторону и смотрел *тот* Блок. На небесах нет праха (человеческого). Фетовская Офелия – "Офелия гибла и пела…" и др. – создание небесное. Кроме того, Блок ценит в Фете его философию и установление связи разновременных культур: шекспировской и современной. Фетовский перевод "Фауста", по-видимому, напоминает ему о том, что само понятие "Вечная Женственность" Владимир Соловьев взял у Гете: "Фауст", вторая часть.

У Блока свой вариант фетовского "обойму": "Я примчуся вечерней порою, / В упоенье мечту обниму", "Молчаливому от муки / Шею крепко обниму". Он осовременивает Фета, вынося в рифму то же слово, да не то.

Непроницаемая маска, благовоспитанность, аккуратизм, сама фамилия – все это бесило людей даже с не шибко славянскими фамилиями типа Бальмонт. Из бальмонтовского частного письма: "Блок не более как маленький чиновник от просвещенной лирики. Полунемецкий столоначальник, уж какой чистенький да аккуратненький. "Дело о Прекрасной Даме" все прекрасно расследовано" – письмо адресовано Брюсову, этнически чистому славянину, в фамилии которого, кстати, тоже не слишком слышен шум родных осин. Бальмонт, разумеется, не прав. Он не знал о блоковской "ненависти к лирике", то есть к тому же самому, чего не выносил Бальмонт: ловкой версификации по лекалам форм, найденных другими и уже узаконенных ("просвещенная лирика"). Первая статья Блока манифестационного характера называлась "Педант о поэте". Последняя – "Без божества, без вдохновенья". Все это – "ненависть к лирике".

Но что-то Бальмонт угадал. Не гетевский ли праисточник? Не любовь ли к Жуковскому, переводившему, помимо прочего, много немцев? Не тот ли способ самообуздания, который избрал Блок – космос вместо хаоса? Забавно, что Бальмонт апеллирует к Брюсову – самому дисциплинированному поэту современности. Дальнейший путь Блока совершенно разрушает "немецкую" схему сторонних представлений о нем, поскольку, если уж говорить о его немецкости, то он двигался как раз в сторону Гейне, главного разрушителя благопристойности немецкого стиха. Там он вновь неизбежно встречался с Фетом. Блок признавал присутствие некой своей "Германии" и в стихах о России, это особый разговор. Но вряд ли можно принять истолкование блоковского стиха Вл. Пястом с "немецкой" стихово-языковой стороны. Паузник возник не как реплика на немецкий стих. Он всегда существовал в природе русского слова и, соответственно, стиха.

Любовная история с Ксенией Садовской не могла не отложиться в СПД-I. Было бы искусственным парадоксом именно в Садовской искать истоки Прекрасной Дамы. Но первая схватка матери с другой женщиной идет там, на немецком, чистом, идеальном поле Бад Наугейма. По крайней мере разделение женщины на небесное и земное началось там, и совершенно известно, сколько небесного находил поэт в том земном источнике. Цикл "Через двенадцать лет", посвященный К.М.С., – целый каскад высочайших высказываний: "Синеокая, Бог тебя создал такой", "Всех стихов моих мятежность / Не она ли создала?", "И арфы спели: *улетим*". К.М.С. была ровесницей его матери. Не оттого ли – Дама, а не Дева?..

Русский интеллигент всегда повторит вслед за Блоком: лишь одна сотая во мне – хорошее. Блок и называл себя – интеллигент. Адресатом стихов он видел свой слой, не посягая на всенародную аудиторию: даже "Двенадцать" – разговор с равными, в общем и целом поверх голов Катьки да Петьки. Состав его читателей ему был ясен, это и огорчало, и радовало: он пел не в вату. Он полемизировал в стихах и статьях с физически определенными оппонентами, он знал их в лицо, помнил их рукопожатия, их родословную, образ их мыслей. Он и сам был читателем – их читателем. Его угнетали это чтение и эти люди. Поставив в 1917 году на Ленина, он готов был отказаться и от читателя, поскольку Ленин Блока не читал.

У Блока – несколько стилистик даже в эпоху СПД-I. Стихи – одно, письма – другое, статьи-рецензии – третье, а в самих письмах – тоже по-разному, в зависимости от адресата. Когда на статьи налезает стиховая стилистика, получается то, что он позже сам отвергает как импрессионизм. Но многостилица – в принципе штука понятная и естественная. Высший маэстро стилистического протеизма – Пушкин.

Юный Блок участвовал в любительских спектаклях в Петербурге под псевдонимом Борский. Интересно: Пушкин хотел напечатать в "Северных цветах" стихи о рыцаре бедном, "Легенду", – и подписаться как А.Зборский. Этой публикации не произошло, цензура помешала, но – каково совпадение? NB – именно это стихотворение!.. В 21-м году, думая о Пушкине, Блок выделил среди лучших пушкинских стихов 1818 года "К портрету Жуковского" ("завистливая даль": invida aetas: – Hor<atio>, I, 11)". Это рядом с "очарованной далью" и блоковским ощущением Жуковского, с детства любимого. Гораций тоже подмешан сюда. Вот в каких исторических далях была одушевлена эта даль, поэтическая, и, появившись у Пушкина ("Рифма, звучная подруга…", 1828) на античном фоне, повторилась в Озерках 24 апреля 1906 года, когда была создана "Незнакомка".

В начале века Блок жил в ожидании "средних веков": под средними веками он подразумевал расцвет поэзии, причем – во всех жанрах, без жанровых иерархий. Он как-то записал, что в какой-то старой (по-видимому) книге увидел свой портрет – и загрустил. Блоковские ожидания в общем и целом оправдались – Серебряный век произошел. Оглядка на Европу, акцент на Европе несомненны. Русские поэты начала XX века – поэты европейские. Русская стихия, "Скифы" (что у Брюсова, что у Блока) засвидетельствованы глазами европейцев. "Азиатская рожа" – вызов матери-Европе. "Нам внятно все – и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений" – Блок ищет Россию в Европе, в которую вводит Азию: Россия – Сфинкс, а не, допустим, степная каменная баба. Противится аутсайдерству, изгойству, маргинальности родины, перемахивает времена и пространства, долетая до Новой Америки. Он никогда не был за Уралом или на Черном море – поразительно. Но обойтись без Италии, Франции или Германии попросту не смог бы. Он родился в европейском городе, Русь постигал в Шахматове, в Москве – ни восточнее, ни южнее. Для него многое значило физическое присутствие в том или ином пространстве. Блоковская Скифия умозрительна. Она – идея. Она – пафос (= "Клеветникам России"). Она – исторический момент, омытый кровью истерзанного сердца. К истории как таковой пафос все-таки отношения не имеет.

Его сожгло мертвое дыхание исторического тупика.

Неясно, чем руководствовалось книгоздательство "Гриф", завершив книгу СПД-I рекламой журнала "Ребус", то есть объявлением о продолжающейся подписке на него. Среди прочего там сказано: "Ребус" – единственный в России журнал, который главное место отводит обзору и изучению таинственных и загадочных явлений: **телепатии, ясновидения, передачи мыслей, раздвоения личности, одержания, сомнамбулизма, животного магнетизма, медиумизма, гипнотизма, спиритизма** (выделено в оригинале. – **И.Ф.**) и т.п. сверхнормальных фактов и явлений в области психизма". Это что – готовая рецензия на СПД? Особенно хороши одержание и животный магнетизм. Не слабо и раздвоение личности.

Но – такова эпоха, тотально пронизанная всяческим мистицизмом, и в этом смысле содержание рыночной рекламы чуть ли не естественно вытекает из стихов молодого автора, став их суррогатным продолжением. Именно так их проще всего трактовать. Когда впоследствии барышни с Невского предлагали прохожим познакомиться с Незнакомкой, это было все тем же рынком одержания и животного магнетизма.

Первые ваятели изображали своих каменных "венер" существами мощными, пузатыми, грудастыми и безликими. Это был аппарат деторождения и опора рода. Вечная Женственность, так сказать. Л.Д.Менделеева была создана не для той роли, которую ей написали Блок и Провидение. Жизнь ее – трагедия. Это была крупная, вполне плотская девушка, жаждавшая простого человеческого счастья. Она была наделена здравым смыслом и здоровым нравственным чутьем. Предчувствие беды, исходящей от Блока, не обмануло ее. Она довольно долго отводила от себя предстоящую судьбу, в какой-то момент сдалась и стала Любовью Блок. В самом словосочетании Любовь Блок есть что-то грамматически неправильное. Надо – Любовь Блока. Но под занавес короткой жизни своей он стал на сторону матери – в ее столетней войне с Любовью Дмитриевной. Она мучительно искала себя, выучилась на филолога, стала драматической актрисой и чтицей-декламаторшей, в итоге – балетоведом. В советские времена ей выхлопотали пенсию как вдове Блока. Сталин процедил:

– Блок не наш поэт, но пенсию дайте.

XX век русской поэзии прошел вокруг Блока, в его фокусе. Говоря о фокусе Блока, я меньше всего имею в виду цирк. У фокуса много смыслов, см. любой толковый словарь, но, может быть, точней всего в нашем случае первоначальное, латинское значение: focus – очаг. То есть, по существу, огонь. Блок – поэт бездомности, его переносной очаг неумолимо перерастал в пожар. "И, вглядываясь в свой ночной кошмар, / Строй находить в нестройном вихре чувства, / Чтобы по бледным заревам искусства / Узнали жизни гибельный пожар!" Шахматовское имение сгорело.

Однако с ним произошло то, что в детстве мы видим только в цирке, – волшебство преображения. Мальчик из хорошего дома, наделенный поэтическим даром, совершил умопомрачительный прорыв к безднам общенационального духа. Ловкость рук тут ни при чем. Ее и не было.

Он родился в европейском городе, Русь постигал в Шахматове, в Москве – ни восточнее, ни южнее. Для него многое значило физическое присутствие в том или ином пространстве. Его сожгло мертвое дыхание исторического тупика.

Илья ФАЛИКОВ